

УДК 82-94
ББК 63.3
3-63

Зиновьев А. А.
3-63 Русская трагедия / Александр Зиновьев. — М. : Алгоритм,
2014. — 464 с. — (Золотой фонд политической мысли).

ISBN 978-5-4438-0725-6

Александр Александрович Зиновьев (29 октября 1922 года — 10 мая 2006 года) — советский и российский логик, социолог и социальный философ; писатель. Член КПСС в 1953—1976 годах.

В последние годы жизни в СССР и в эмиграции А. Зиновьев считался «известным советским диссидентом». Сам Зиновьев после реэмиграции в Россию утверждал, что «не был никаким диссидентом». В последние годы жизни — критик глобального капитализма.

Эта последняя книга выдающегося философа современности, в которой он подверг всестороннему анализу один из самых трагических периодов в истории нашей страны, когда «поголовное предательство правящего партийного аппарата» привело к развалу великого государства — Советского Союза и его ликвидации. Здесь же автор рассуждает о будущем России, об опасностях глобализма и о перспективах мирового развития.

УДК 82-94
ББК 63.3

ISBN 978-5-4438-0725-6

© Зиновьев А.А., 2014
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

ПОСЛЕДНИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА

Социологический роман как особый вид сочинительства изобретен А. Зиновьевым. Первым таким романом, как известно, были «Зияющие высоты», опубликованные в 1976 году. Они принесли автору мировую известность и вынужденную эмиграцию (1978—1999).

Книга «Русская трагедия» — последний роман такого рода. Последний не только по времени написания, но и вообще в творчестве автора, поскольку он принял решение книг такого жанра больше не писать. Роман был написан еще в 1999 году, в эмиграции, но не был опубликован тогда в связи с возвращением на Родину.

Жизнь в России дала автору материал для новых наблюдений и размышлений. И он решил дополнить его, как только представится возможность для этого. Такая возможность представилась лишь через три года. Между первым и этим последним романом автор написал около двадцати книг такого рода («Желтый дом», «Светлое будущее», «Катастрожка» и др.). Они были переведены на многие языки планеты, и большинство из них были в свое время бестселлерами.

Уместно спросить: в чем заключается особенность социологических романов А. Зиновьева? В том, что в них излагаются результаты научного исследования социальных явлений, но делается это с использованием средств художественной литературы. Автора побуждали к этому следующие соображения. Во-первых, литературная форма — и это особенно важно для новаторского подхода А. Зиновьева — позволяет привлечь внимание к его идеям более широкий круг читателей, чем сфера профессиональных социологов. Во-вторых, занимаясь социальными исследованиями в одиночку и в ненормальных для ученого условиях, Зиновьев не мог за короткое время довести результаты исследования до уровня систематически построенной научной теории. Исследования приобретали фрагментарный характер. Их объединял в еди-

ное целое лишь научный подход к изучаемым объектам, выработанный самим А. Зиновьевым, и видение в перспективе научной картины огромного эмпирического материала — явлений коммунистического и западного мира, общей эволюции человечества, глобализации и т.д. Именно социологический роман позволял многочисленные фрагменты исследований объединять в целое в качестве промежуточного этапа на пути от исследования частей огромного эволюционного процесса человечества к осмыслению их закономерной связи. Словосочетание «социологический роман» автор использовал в применении к сочинениям такого рода, поскольку в них социальные идеи воплощаются в словах и поступках литературных персонажей, подобных персонажам традиционной литературы.

Предлагаемая читателю новая книга А. Зиновьева посвящена трагическому периоду российской истории — созреванию антикоммунистического переворота, самому перевороту и становлению постсоветской социальной системы в России. Весь этот период А. Зиновьев определяет как «эпоху тотального помутнения умов». В книге дается социологически точное описание коммунистической социальной организации в России, причин и сущности контрреволюции, роли Запада в разгроме Советского Союза, сущности постсоветизма, положения России в глобальном сообществе. Делается научный прогноз эволюции России в обозримом будущем. Литературный аспект в книге представлен описанием характерной судьбы советской семьи, которая стала жертвой переворота, как это произошло с миллионами российских семей.

СОВОК

Словом «совок» сейчас называют представителей поколений, которые сформировались и прожили более или менее значительную часть жизни в советский период. Употребляя это слово, употребляющие его тем самым выражают презрение к советской эпохе и к порожденным ею людям.

Употребляют также слово «коммуняка». При этом имеют в виду совков, которые ностальгируют по советскому периоду, остаются приверженными советской (коммунистической) идеологии и не принимают результаты антикоммунистического переворота горбачевско-ельцинских лет.

Я принадлежал к числу тех, с совкового молчаливого согласия которых был разрушен Советский Союз и советский социальный строй в России и других частях бывшего Советского Союза. До сегодняшнего дня я боялся признаться себе в этом, разделяя и выдумывая сам всяческие оправдания тому, что произошло у нас в горбачевско-ельцинские годы. Но в институте, в котором я проработал более тридцати лет, мне сообщили, что в моих услугах в связи с его приватизацией и реорганизацией больше не нуждаются. Я знал, что это рано или поздно случится. Я ждал этот момент и вроде бы был готов к нему психологически. Но когда мне официально сообщили об этом, это прозвучало для меня подобно смертному приговору.

Безработный! Для меня как для совка за все годы жизни в Советском Союзе никогда в голову не приходила мысль даже в виде гипотезы, что я могу остаться без работы. Теперь я это слово воспринимаю как диагноз неизлечимой болезни. Болезни особого рода: социальной. Против нее нет и теперь никогда не будет лекарства.

В состоянии окаменелости, не замечая своих бывших коллег, я покинул институт. Как будто покинул целую эпоху. Неужели это произошло в реальности, а не в болезненном бреде?! Как и почему это произошло?! Кто в этом повинен?! Пройдя пешком полпути до дому, я обрел способность к логическому мышлению. Ты сам и повинен в этом. Как ты реагировал на горбачевскую перестройку? Ты приветствовал ее. Как ты реагировал на ельцинскую «революцию» в августе 1991 года? Ты приветствовал ее. Как ты реагировал на расстрел Верховного Совета в октябре 1993 года? Ты одобрил его. Вот ты и получил то, что тебе и следовало получить

за свою глупость, легкомысленность, безответственность, если не сказать нечто большее о твоём поведении, — за предательство и в лучшем случае за попустительство предательству. Что посеешь, то и пожнешь!

МОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Я и Жена окончили школу после войны. Университет окончили после смерти Сталина, аспирантуру — после XX съезда КПСС, взявшего курс на десталинизацию страны. Оба успешно защитили кандидатские диссертации и получили хорошие места работы по любимой профессии. Через несколько лет защитили докторские диссертации. Я стал профессором, она — заведующей лабораторией.

В советский период мы, таким образом, принадлежали к среднему слою населения, причём к его высшему подслою. Мой сын стал главным инженером среднего предприятия. Дочь стала переводчицей и вышла замуж за офицера, который окончил военную академию и стал полковником.

В советский период сложилась определенная иерархия социальных слоев и, соответственно, уровней благополучия. Не все жили одинаково хорошо. Многие жили превосходно (до пяти процентов населения), многие хорошо (до десяти процентов), большинство терпимо (до шестидесяти процентов), остальные ниже среднего и плохо. Разумеется, по советским, а не по западным меркам. В мировой социологии принято измерять степень неравенства так: вычисляется жизненный уровень десяти процентов высшего уровня и десяти процентов низшего, и результаты сопоставляются. В Советском Союзе отношения высших десяти процентов к уровню десяти процентов низших было четыре к одному, а теперь, в постсоветской России, — тридцать (а по другим сведениям, сорок) к одному. Комментарии не требуются!

В том, что мы из низших слоев поднялись в средний слой (причем ближе к высшему), не было ничего особенного. Нечто подобное было достижимо для многих без каких-либо особых данных. Тогда даже самые яростные антисоветчики вынуждены были признавать, что в Советском Союзе была самая высокая в мире и в истории человечества вообще вертикальная динамика населения, т.е. подъем из низших слоев в более высокие. Для большинства таких людей это делалось как бы само собой.

Я не прилагал для этого никаких особых усилий. Хорошо учился и работал. Был честным гражданином. Окружающие видели это и ценили меня именно за это. Те, от кого зависело мое

служебное положение, сами способствовали моему жизненному успеху. Это было обычным явлением в советский период. Таких, как я, были миллионы. Мы образовывали человеческий фундамент советского общества. Если ты обладал какими-то полезными для общества способностями, хорошо учился и добросовестно работал, ты большую карьеру не сделал бы, но на достаточно высокий уровень поднялся бы без всяких карьеристских усилий. Основа советского общества позволяла многим миллионам людей жить достойно. Это определяло высокий уровень самосознания советского человека — совка. Я обратил на это внимание только теперь, когда условия для этого качества исчезли, были разрушены. Почему я это качество не замечал раньше? Да потому, что все условия для него мне достались как дар судьбы, без усилий с моей стороны, как нечто само собой разумеющееся и потому не имевшее субъективной ценности.

КРАХ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ

Сейчас все то, что было достигнуто в советский период для миллионов таких совков, как я, потеряло всякую ценность и вообще оказалось ненужным. Это — самая большая потеря русского народа за всю его историю. Потеря трагическая, катастрофическая. Произошла переоценка ценностей. Появились многочисленные профессии, для овладения которыми не нужно никаких особых способностей и никакого особого образования, а оплачиваются они намного лучше, чем учителя, профессора, медицинские и научные работники.

— Народ, в котором школьные учителя, университетские профессора и научные работники зарабатывают меньше, чем уборщицы, секретарши, торгошники и охранники, в наше время обречен на деградацию и историческую гибель, — сказал сосед по дому, с которым я теперь часто разговариваю и называю для себя Критиком.

— Неужели это нельзя остановить? — спросил я. — Раз это состояние есть результат искусственных реформ, почему бы не осуществить реформы противоположно направленные?!

— Увы! Некому осуществлять эти контрреформы. За эти годы радикально изменилась социальная структура населения страны. В одной только Москве число частных более семисот тысяч. А сколько их с членами семей! А сколько у них наемных соучастников! Если в стране число людей, занятых в сферах обслуживания, частного бизнеса, развлекательства, порядка, политики и т.д., намного превосходит число людей, занятых производитель-

ным трудом, такое население уже не заставишь строить коммунизм. Сейчас россияне, несмотря ни на какие трудности, не захотят вернуться к советскому образу жизни. Такой возврат потребовал бы усилий и жертв, а наш народ на это не пойдет.

— Но ведь все же говорят о деградации, о вымирании!

— Ну и что?! Говорят — и все. Не действуют в духе слов. Не восстают. Для масс такое бездельное, без усилий, аморальное, безответственное и т.д. постепенное вымирание предпочтительнее, чем спасительный штурм с явными жертвами и ценой воздержания и усилий.

Меня все время мучает одна мысль. Я спрашиваю себя: чем был для меня советский социальный строй, коммунизм? Гарантированное бесплатное образование по выбору, в соответствии со способностями и склонностями. Любимая работа по профессии, хорошо оплачиваемая, оплачиваемый огромный отпуск. Медицинское обслуживание бесплатное. Путевки в дома отдыха и в санатории. Коллектив. Общение. Совместные мероприятия, вечера, туристические походы. Дружеские отношения по выбору и в изобилии. Формально простая жизнь. Почти никакой бюрократической волокиты. Гарантированное будущее детей. Общая уверенность в будущем. Гарантированная пенсия.

Не так богато, как на Западе. Но основные потребности были удовлетворены. И жизнь непрерывно улучшалась. Были, конечно, минусы. Но такие ли большие на самом деле?! За границу не пускали? Так я и не стремился. Кому-то квартиру лучше дали? Так я своей был доволен. В членкоры не пропустили? Так и без этого жить можно было неплохо. Марксизмом мучили? К чему лицемерить?! Мы к этому относились с юмором. Да к тому же идеология несла просвещение. И идеологическая нагрузка была куда более слабая, чем ранее религия. И никакой «марксистской десятины» не платили. Одним словом, это был мой социальный строй, мое общество. И ни на какое другое я его менять не собирался. Так почему же я не встал грудью на его защиту, когда нависла угроза потерять его?! Почему?! Конечно, я мог бы сказать: не с кем было вставать на его защиту. Так думал каждый по отдельности. А в результате получилось коллективное предательство. Не встали мы на защиту нашего общественного строя!

Упомянувшийся выше Критик назвал нас за это поколением предателей. Я тогда возмутился такой оценкой. Особенно меня возмутило утверждение, будто крах советского коммунизма в значительной мере был подготовлен тем, что довоенное поколение (поколение людей, начавших самостоятельную трудовую жизнь в довоенные годы) было истреблено на фронтах войны, и образовался разрыв между ним и поколением, захватившим инициа-

тиву в обществе после войны. А в хрущевские и брежневские годы стали заметно улучшаться бытовые условия. Коммунизм был идеологией низших слоев и нищих, а не сытых и благополучных. Обогащение общества и образование слоев благополучных и даже богатых привело к новому расслоению общества, к смещению системы ценностей в сторону материальных интересов, к росту материальных appetитов высших и средних слоев, в которых тон стали задавать представители поколения предателей. Теперь я вижу, что Критик был прав. Один из самых поразительных парадоксов истории: именно попытки реализации коммунистической идеи изобилия стали основой гибели реального коммунизма. Коммунизм, улучшая материальные условия людей, тем самым готовил своих собственных могильщиков!

НАША ЛИЧНАЯ СУДЬБА

Судьба моей семьи характерна для той катастрофы, которая произошла с нашей страной и с нашим народом в результате антисоветского (антикоммунистического) переворота после 1985 года. Первой жертвой стала Жена. Однажды она пришла с работы раньше обычного. Сказала тихо, почти прошептала без всяких эмоций, что ее лабораторию закрыли, результаты двадцатилетних исследований за гроши продали американцам, сотрудникам предложили устраиваться, кто как может. Сказала, что мы все негодяи, мы все совместно совершили коллективное преступление против самих себя, против наших детей, против наших потомков, совершили коллективное предательство. И нет нам никакого прощения за этот смертный грех. Все, что обрушилось на нас, есть справедливая Божья кара.

Все мои попытки напомнить ей истины насчет религии, известные нам со школьной скамьи, на нее никак не подействовали. Всю ночь она молча просидела за уже ненужным ей письменным столом. Утром чуть свет она ушла в церковь. После этого ее как будто не стало совсем.

К несчастью Жены добавились несчастья детей. Зять с тысячами других офицеров был уволен из армии. С большим трудом устроился в какую-то приватную охрану. Дочь изредка переводит за гроши американские эротические и детективные романы. Предприятие Сына приватизировали. Полностью изменили его профиль. Сына уволили. Он пристроился в полукриминальную фирму. Однажды он заявил мне, что хочет открыть свою фирму. Для этого он хочет продать свою квартиру, а на время, пока не разбогатеет, переселиться к нам. Такая перспектива привела меня в ужас.

— И ты надеешься разбогатеть? — спросил я. — Как?

— По законам капитализма, как утверждает вот эта американская инструкция для начинающих бизнесменов, — сказал он, — за пару лет мой капитал удвоится.

— При капитализме, может быть, и удвоится. Но для этого нужен капитализм. А у нас в России такового нет. Есть лишь преступность под видом капитализма. Об этом пишут все газеты. Неужели ты сам в этом еще не убедился в вашей фирме?!

— Убедился. Но кое-чему и научился.

— Чему? Жульничать?

— Теперь это называется частной инициативой.

Мы сошлись на том, что он продаст свою квартиру, но купит маленькую, похуже и подешевле. Он так и сделал, но стал жертвой мошенников, потерял деньги и запил пуше прежнего.

И вот теперь я сам остался без работы. Хотя моя профессорская зарплата была мизерной по нынешним временам, потеря ее сбрасывает нас с уровня бедности на уровень нищеты. Как жить дальше?!

ПОЧЕМУ?

Почему же это произошло? Ведь не было из ряда вон выходящих природных катастроф. Не было больших «горячих» войн. Советский Союз был второй сверхдержавой планеты. Был довольно высокий жизненный уровень сравнительно с большинством стран планеты. И он был гарантирован. Мы ощущали себя лично защищенными. Конечно, преступления были. Но в сравнении с тем, что наступило теперь, это выглядит как нечто незначительное. Я в моем окружении не встречал ни одного человека, который не то что призывал бы, но даже тайно помышлял бы об отказе от советского социального строя. А мое окружение было сплошь фрондерским, «либеральным», насыщенным духом диссидентства. Советский социальный строй считался незыблемым, пришедшим на века. Причем он считался таковым не от сознания мощи его карательных органов (эта мощь ослабла и уже мало кого пугала), а от неосознанного убеждения, что это — наилучший вариант организации общества, гарантирующий удовлетворение некоторых минимальных и фундаментальных жизненных потребностей. В нем можно было жить достаточно комфортабельно, причем с малыми усилиями или даже вообще без таковых. Поговаривали о его демократизации, о «социализме с человеческим лицом». Но никто толком не знал, что это такое. Кто-то понимал это как свободу поездок за границу, кто-то как изобилие предметов потребления,

кто-то как допущение огромных гонораров, кто-то как предоставление большей инициативы для предприятий. Но чтобы ликвидировать советскую власть, партийный аппарат, общественную собственность на средства производства и прочие завоевания советского социализма — об этом и речи не могло быть.

МОЙ ДОМ

В брежневские годы таких домов было построено много. Даже во враждебной западной прессе писали, что по жилищному строительству Советский Союз вышел на одно из первых мест в мире. И внутри все было сделано достаточно хорошо. Вполне комфортабельные квартиры. В постсоветский период такие дома вообще перестали строить. Строят великолепные дома для «новых русских», для банков и частных фирм. Но ничего для «трудящихся» (сейчас это слово произносят с насмешкой и презрением). Сейчас наш дом находится в полуразрушенном состоянии. Хотя квартиры приватизированы, никакого ремонта не делается — слишком дорого. Единственное, что мы осилили, — железные двери в подъездах. Это было продиктовано насущной потребностью хоть как-то защититься от все усиливающейся эпидемии ограбления квартир.

Чтобы попасть в подъезд, надо набрать код и открыть железную дверь. Затем нужно открыть еще одну обычную дверь. В подъезде пахнет мочой. Почтовые ящики поломаны. Стены облуплены и испещрены неприличными рисунками и словами. Лифт часто ломается.

В квартире тоже железная дверь, помимо обычной. Мы получили эту квартиру в брежневские годы. Тогда она показалась нам огромной — целых три комнаты на четверых! Правда, комнаты маленькие — две по восемь квадратных метров, одна — четырнадцать. Но мы были безумно счастливы. У меня с Женой появилась отдельная комната. Одну маленькую комнату мы отдали детям. В большой устроили гостиную. Мы могли регулярно принимать гостей — тогда без этого была немыслима русская жизнь.

Дети подросли. Обзавелись своими семьями. Получили (получили!!) свои квартиры. У нас с женой появились отдельные «кабинеты».

Вся квартира заполнена книгами. Книги везде, даже в коридоре и в туалете. Это было типично для среднего российского интеллигента советского периода. По общему признанию, русские тратили на книги в процентах к доходу больше денег, чем любые другие народы мира. Книга была для нас божеством. Мы были

самым читающим народом в мире. Теперь это исчезло. И качественно изменилось то, что теперь читают, — в основном переводную западную макулатуру. Снизилось качество читателя.

Квартира давно не ремонтировалась. Все вещи старые, обветшалые. Но я ни о чем лучшем не мечтаю. Лишь бы это суметь сохранить. А угроза потери есть. Какая-то фирма хочет купить весь наш район, сломать дома (их называют «брежневскими трущобами») и построить на их месте дорогие коммерческие дома «на европейском уровне». И тогда с нами могут поступить так, как это уже не раз делалось в других районах: выселить куда-нибудь подальше, ободрав нас как липку.

Из окна моей комнаты открывается панорама города. Она сверкает бесчисленными позолоченными куполами церквей. Когда начиналась советская эпоха, первым делом строили школы, больницы, заводы. Постсоветская эпоха началась с буйства церковников. Десятки миллионов обманутых и отчаявшихся людей устремились в церкви, ища там утешения. А на самом деле устремились в бездну мракобесия, деградации, отказа от какой бы то ни было социальной активности — в бездну рабской покорности. Наряду с церквями, повсюду высятся здания банков и частных фирм самой современной западнообразной архитектуры, — храмы нового божества российского общества и нового его властителя, имя которому Деньги. Советское общество затратило огромные усилия на то, чтобы оградить нас, россиян, от этого идола западного мира. Все пошло прахом. Новый Бог потеснил не только идеалы коммунизма, но и реанимируемого Христа.

Я эту панораму ненавижу и к окну стараюсь вообще не подходить. А то появляется сильное искушение покончить с постсоветской мерзостью самым простым и доступным способом — выброситься из окна. И пусть тут творится все что угодно. Пусть тогда идут столетия и тысячелетия. Пусть вымирают одни народы и нарождаются другие. Все равно это чужой и чуждый для меня мир. Моего мира больше нет. И он никогда не возродится вновь. Мертвые не воскресают. Но что-то еще удерживает меня от такого последнего шага в Вечное Ничто. Значит, я еще не испил до дна чашу страдания, положенную мне по праву русского человека.

НАШ МИКРОРАЙОН

Наш дом вместе с другими образует замкнутый жилой комплекс, какие стали создавать в конце советских лет. В нем были все обслуживающие учреждения, необходимые для непосредственных нужд жителей. Сейчас они все исчезли. Осталась только

школы, вернее, лишь здание школы. Здание прекрасное и в хорошем состоянии. Когда-то во всем мире было признано, что советская система образования лучшая в мире. Теперь ее поливают грязью. Теперь эта школа стала частным лицеем, его показывали по телевидению, причем преподносили так, будто его построили только сейчас. А ведь в этой школе учились мои дети. Учились бесплатно и получили превосходное образование. Поразительно, всем известно, что все, что говорится о советской школе в средствах массовой информации, есть циничная ложь, но никто не протестует против этого. Вообще сейчас присвоение новой системой достижений советского периода и приписывание ему своих дефектов стало настолько привычным, что даже представители старших поколений стали терять историческую ориентацию и способность различать советское и постсоветское.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Советский период нашей истории начинался с беспрецедентной заботы о детях и молодежи. Создавались детские ясли и сады, школы, профессиональные училища, техникумы, институты. Ликвидировали беспризорность. Проводилась тотальная борьба с безграмотностью и религиозным мракобесием. Образование, просвещение, медицина, гигиена систематически внедрялись в жизнь миллионов людей. А теперь?! Два миллиона детей не живут в семьях, а скитаются где попало. Более четырех миллионов детей школьного возраста не посещают школу. Религия вытеснила все достижения просвещения за десятки лет советской жизни. Разрушена система возвышенных ценностей. Психика молодежи повернута в сторону материальной корысти, развлекательства, секса, насилия, короче говоря — молодежь направили к тому, против чего боролись десятилетиями.

Школа — обломок советского прошлого. Неподалеку от нее можно видеть достижение постсоветского периода: отремонтированную (т.е. заново построенную) старую церковь. Позолоченные купола и все прочее в «русском» духе. Сам Патриарх открывал... или как там по-церковному?... освятил. Присутствовали представители высшей и московской власти. Были даже из руководства Коммунистической партии РФ. Народу собралось!.. Если бы столько пришло на защиту Верховного Совета в октябре 1993 года, антикоммунистический переворот провалился бы. Но не пришли. Поразительно! Быть самым образованным и просвещенным народом в мире и ринуться в самое дремучее религиозное мракобесие! Почему?!

— Потому что в церковь идут от отчаяния, — сказала Жена, — а на защиту советской власти не пошли, потому что утратили веру в коммунизм.

— В марксистские сказки о коммунистическом рае не верили никогда, так что утрачивать было нечего, — возразил я. — Дело тут не в этом. Если народ живет хорошо, он не нуждается в религии и церкви. Если церковь процветает, значит народ нищает. Церковь поддерживают искусственно, чтобы оболванивать нищий народ. Удерживать людей от размышлений о сути происходящего, от протестов, от бунта.

Я со многим могу примириться, только не с возрождением дореволюционных мерзостей. Я готов большевикам простить все их прегрешения только за одно то, что они избавили народ от религиозного мракобесия. На том месте, где заново построили древнюю (!!) церковь, в советские годы была площадь. В центре ее стоял монумент Ленина, а около него полукругом был сооружен монументальный лозунг «Да здравствует коммунизм — светлое будущее всего человечества!». Когда этот «комплекс» строили, мы острили: мол, мы строим не сам коммунизм, а лишь его лозунг. Тогда это казалось остроумным, поскольку мы уже знали, что изобилие — на капиталистическом Западе, а у нас — дефицит. Сейчас я вижу, что мы строили настоящий коммунизм, а наши остроты были от глупости. В глубине двора, за деревьями, видна помойка. В ней роются не бездомные кошки и собаки, не крысы и вороны, а старики и старухи. Приглядевшись к ним внимательнее, вы увидите, что они не такие уж старые. Просто лица изможденные от голода. Одеты они прилично, в вещи западного происхождения. Сейчас вся Москва одевается в западные вещи. Очевидно, эти «старухи» — просто интеллигентные пенсионерки. На их месячную пенсию, которую они получают нерегулярно, не проживешь и неделю на самом голодном уровне.

Недавно по телевидению показали ужасающее зрелище: оказывается, на помоечных свалках месяцами и годами живет довольно большое число людей. Они соорудили жилища и питаются отбросами. Даже зимой там живут. И даже предпочитают зиму, так как зловония и крыс, с которыми им приходится сражаться, меньше. Живут семьями, рожают детей. Дети, конечно, в школу не ходят. У них свои социальные порядки. Боже, можно ли было каких-то двадцать лет назад даже помыслить, что в России возможно нечто подобное?! Ведь с нищетой в советской России давно было покончено, казалось, навсегда. И вот в конце двадцатого столетия мы оказались отброшенными в прошлое... на сколько веков? А что, если в пучину бесконечности прошлого?!

И одновременно в Москве идет интенсивное строительство новых великолепных домов для благополучных слоев. Лучшие районы вокруг Москвы стремительно застраиваются роскошными виллами для новых богатых. О таких виллах в советское время не смели мечтать даже высшие слои номенклатуры. Сейчас Москва по числу сверхбогатых людей обставила крупнейшие западные города. А те денежные траты, которые позволяют себе на Западе наши «новые русские», потрясают видавший виды такого рода Запад и стали предметом насмешек и издевательств.

Время от времени на наш район происходит нашествие бомжей. На них устраивают облавы и куда-то увозят, но они появляются вновь. Собственно говоря, железные двери в подъездах устроили не столько от воров, сколько от них. Теперь не только высшие слои стремятся отделиться от прочего населения территориально и «железными занавесами», но и средние слои — от низших. Уже сложилась психология и идеология презрения и ненависти высших слоев к средним и средним к низшим. Никакого сострадания к несчастьям низших слоев нет. В них теперь все видят главную угрозу своему благополучию.

В парке постоянно валяются пьяные. Каждое утро подбирают несколько умерших от перепоя или от отравления, несколько убитых и более десятка избитых и ограбленных. Почему именно тут? В милицию давно сообщали о существовании алкогольного притона, в котором круглые сутки нелегально и втридорога продаются алкогольные напитки самого худшего качества и фальсификаты. Наконец устроили облаву. Арестовали банду из нескольких десятков человек. В основном — из лиц «кавказской национальности». Нашли склады зелья, достаточные, чтобы спить миллион москвичей. Пару недель было спокойно. Потом началось все заново. Какие-то высшие силы решили: пусть лучше спиваются, лишь бы не лезли в политику. Все равно излишнее население кормить нечем. А только за счет снижения рождаемости и ранней смертности из-за алкоголизма русское население за 20 лет можно сократить настолько, насколько оно было сокращено в войне 1941—1945 годов. Народ умышленно спаивают! Россия наводнена алкогольными напитками. Причем какими! Какая часть из них просто яд?! Потери русского народа как биологического явления не поддаются учету. Болезни, несчастные случаи, сокращение рождаемости и т.д., — все это в огромной степени способствует вырождению русских. Как остановить этот процесс гибели народа, никто не знает. Зато есть немало таких, кто хорошо знает, как углубить, расширить и ускорить этот процесс. И они действуют!

ЗРИМЫЕ ЧЕРТЫ БУДУЩЕГО И ПЕРЕЖИТКИ ПРОШЛОГО

В книге одного выдающегося советского философа было написано: Гегель одной ногой стоял в прошлом, а другой приветствовал будущее, между ними же было мрачное прусское настоящее. Вот и мы, подобно Гегелю, одной ногой стоим в коммунистическом прошлом, другой ногой приветствуем западное будущее, а между ними имеем мрачное постсоветское настоящее. Наши мыслители называют это переходным периодом.

В советские годы были в ходу выражения «родимые пятна (пережитки) капитализма» и «зримые черты коммунизма». Устраивали, например, субботник. Потом на собрании, посвященном его итогам, секретарь партбюро говорил о нем как о зримых чертах коммунизма: работали добровольно (попробуй не приходи!) и безвозмездно (в основном валяли дурака). Поскольку в мероприятии имели место отдельные недостатки (несколько сотрудники перепились и устроили дебош), в том же докладе секретарь партбюро называл их родимыми пятнами капитализма. Потом мы хохмили по этому поводу: при капитализме — сплошное пьянство, а при коммунизме нам вообще не будут платить зарплату, так как деньги исчезнут и платить будет нечем.

Теперь почему-то не говорят о зримых чертах западнизма (или посткоммунизма) и о родимых пятнах (пережитках) коммунизма.

ЗРИМЫЕ ЧЕРТЫ ПОСТКОММУНИЗМА

Раньше у нас был обширный круг хороших знакомых, можно сказать — друзей. Было около тридцати семей, с которыми мы годами поддерживали добрые отношения. Потребности в «домашнем» (внерабочем) общении были удовлетворены сполна. Теперь этот феномен «домашних» объединений исчез. Оказалось, что он был специфически советским. Для него нужны были люди со сходным уровнем и типом культуры, с обеспеченным материальным положением, без особых карьеристских склонностей, до известной степени удовлетворенных своим положением в обществе. В Москве такой слой был довольно значительным. Я его очень ценил. Это было в некотором роде наше «светское общество». И вот, повторяю, он как-то незаметно испарился. Стали сокращаться встречи, отпадать по тем или иным причинам старые знакомые и друзья. Для меня это ощутимая потеря.